

A color photograph of Boris Messerer, a middle-aged man with a receding hairline, looking slightly to the right. He is wearing a dark blue, textured jacket. The background is dark and out of focus, showing some vertical lines and a circular object.

БОРИС
МЕССЕРЕР

*Жизнь
переходит
в память*

Художник о художниках

ШЕ
РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Великие шестидесятники

Борис Мессерер

**Жизнь переходит в память.
Художник о художниках**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мессерер Б. А.

Жизнь переходит в память. Художник о художниках /
Б. А. Мессерер — «Издательство АСТ», 2023 — (Великие
шестидесятники)

ISBN 978-5-17-150042-9

Борис Мессерер (р. 1933) — живописец, график и сценограф, автор мемуарной книги «Промельк Беллы». Легендарная балетная семья Мессереров и Плисецких, работа с лучшими театральными режиссерами, двадцать персональных выставок и, конечно, дружеское окружение — художника недаром называли королем богемы. Главной же своей жизненной удачей он всегда считал возможность заниматься чистой живописью. В книге «Жизнь переходит в память» Борис Асафович пишет о великих учителях: А. Фонвизине, А. Тышлере, В. Эльконине; ближайших товарищах и коллегах: Л. Збарском, Ю. Красном, С. Бархине, В. Левентале, Э. Кочергине, С. Алимове и многих других. Говорит о своем видении их искусства и вспоминает теплые встречи. Из этой мозаики постепенно складывается портрет эпохи. "Я рассказываю о тех прекрасных художниках, кто жил и творил на моих глазах, кто произвел на меня сильное впечатление и повлиял на мое становление. Так воспоминания о друзьях сложились в творческую автобиографию". В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-150042-9

© Мессерер Б. А., 2023

© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Несколько слов, предваряющих текст	7
Один день в Поленове	8
Мархи. Студенческие годы	16
Михаил Александрович Туркус	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Борис Мессерер
Жизнь переходит в память.
Художник о художниках

© Мессерер Б.А.

© Бондаренко А.Л., художественное оформление

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Несколько слов, предваряющих текст

Сейчас, когда книга уже написана и ее верстка лежит передо мной, не могу избавиться от ощущения неполноты сделанного, кажется, что многое пропущено, не охвачено. Пусть читатель поверит в это мое состояние, способное подвигнуть на то, чтобы сесть и написать заметки о художниках заново. И лишь обязательства перед издательством удерживают меня от этого. На все нужно время.

Вспомнить и оценить встречи прошлых лет очень сложно. Надо было записывать вовремя! Но на это способен человек рассудительный, а не такой мятущийся и неуравновешенный, каким был я. Единственное, что могу поставить себе в заслугу (по итогам двух книг: “Промельк Беллы” и теперь – “Жизнь переходит в память. Художник о художниках”), – это масштаб охвата времени, в котором довелось жить, и то количество замечательных имен и образов, которые окружали и окружают меня до сих пор.

Записки мои о художниках, посвятивших себя живописи, графике и сценографии – этой замечательной, но причудливой профессии. Я выбрал имена людей наиболее значимые в этих сферах искусства – тех, кто жил и творил на моих глазах, в непосредственной близости, кто произвел на меня сильное впечатление и повлиял в той или иной степени на мое творчество. Все они – мои современники и близкие друзья, но читатель может быть уверен: речь пойдет только о прекрасных художниках.

Стоило начать писать, и возник вопрос: как рассказать о них? Давать ли анализ творчества или писать просто как о людях, моих товарищах? Думается, я нашел компромисс: я расскажу и о наших личных встречах, и о месте в искусстве и общественной жизни, не претендуя на то, чтобы дать исчерпывающие творческие портреты. Многих из этих людей уже нет на свете, и я считаю своим долгом вспомнить их имена и отслужить делу их памяти по мере моих сил.

Несколько слов о композиции книги, которую условно можно разделить на три части. Первая – затрагивает юные годы и мое становление как личности и как художника, отчасти происходившее в Поленове и Тарусе. Этому же посвящены воспоминания об Архитектурном институте и записки о встречах с Артуром Владимировичем Фонвизиным и Александром Григорьевичем Тышлером.

Дальше следуют имена Лёвы Збарского, Юрия Красного, Гены Трошкова. Встречи и дружба с ними тоже в своем роде ранние, но очень дорогие мне воспоминания.

Глава “Московские зарисовки” рассказывает о художниках, иногда сильно на меня влиявших, тем более что среди них есть и очень значительные фигуры. Я специально не выделяю их, чтобы они не подавляли другие, а существовали бы на равных. Все они, эти московские мастера, и составляют ту среду, в которой протекала моя жизнь, хотя я пишу о них по-разному, более или менее подробно. Как писал Б. Пастернак:

Я говорю про всю среду,
С которой я имел в виду
Сойти со сцены, и сойду.

Отдельная глава посвящена образу Ирины Александровны Антоновой.

А в третьей части появляются петербургские художники и картины. Я отвожу этой теме особое место, сообразно ее значению в моей жизни.

Один день в Поленове

Памяти Наташи Грамолиной

По детскому воспоминанию он знал, что после долгой разлуки странно и грустно видеть знакомое место: ты с ним еще связан сердцем, а неподвижные предметы тебя уже забыли и не узнают, точно они прожили без тебя деятельную, счастливую жизнь, а ты был им чужой, одинок в своем чувстве и теперь стоишь перед ними жалким неизвестным существом.

А. Платонов. Джан

Летом 2019 года мы, как обычно, созвонились и договорились о встрече в Поленове с нашей многолетней (мы знакомы с семидесятых годов) подругой Наташей Грамолиной, директором музея-заповедника Василия Дмитриевича Поленова. Для меня усадьба художника – священное место, поскольку вся моя жизнь прошла в этих краях. Я имею в виду само Поленово и расположенную рядом Тарусу, которые воспринимаю как единое целое и считаю своей малой родиной.

Каждое лето, начиная с тридцатых годов, меня привозили сюда сначала ребенком, а потом я самостоятельно приезжал для отдыха и работы. И настолько сроднился со здешней обстановкой, что она стала как бы частью меня самого. Первые годы пребывания в Поленове были, по сути, единственной данностью, дарованной мне судьбой, а последующие – являлись уже моим выбором.

Я начал ездить после войны и эвакуации в эти края по старой детской памяти, да еще и потому, что здесь, в Поленове, был дом отдыха Большого театра, а мои родители могли покупать сюда путевки, тем самым решая еще и проблему питания. В 1954 году я писал отцу из Сухуми: “Вообще все, что происходит в Поленове, мне очень интересно, я сам хотел бы там сейчас быть. <...> Моя вечная история: как только я попадаю куда-нибудь на юг, у меня возникает тоска по Поленову и такого же рода местам под Москвой”.

Наташа Грамолина была супругой внука Василия Дмитриевича – Фёдора. Пройдя многотрудный жизненный путь, в том числе командование подводной лодкой, он стал (до Наташи) директором музея-усадьбы, наследуя эту должность. Он хорошо знал творчество своего деда, был человеком эрудированным, просвещенным и посвященным в тайны музейного дела. Я вспоминаю Фёдора молодого, еще до призыва в армию, потому что воспитывался вместе с ним одними и теми же людьми, зачастую домочадцами и родственниками Поленова – с ним была близка моя бабушка. В памяти звучит детское имя Фёдора – Федул. Потом следы его для меня затерялись. В моем поле зрения Фёдор снова возник, уже когда стал “большим” человеком, заседал в Верховном Совете РСФСР и очень хорошо там держался.

Фёдор Поленов с его правильными чертами лица был красив той красотой, которой обладали выходцы из старинных русских дворянских или купеческих родов, такие как, например, Владимир Владимирович Набоков или Юрий Петрович Любимов. Благодаря стараниям Фёдора и Наташи большая территория вокруг поленовского дома была объявлена заповедником и таким образом спаслась от застройки коттеджами новых русских соотечественников.

Ближе к концу своей непростой и насыщенной событиями жизни Фёдор обратился к заветному для него писательскому труду и в нем тоже проявил талант, издав книгу “У подножия радуги”, где, обращаясь к фактам собственной биографии и художественно их отображая, не оставил без внимания сакральные для Тарусы имена Ивана Владимировича Цветаева, Константина Георгиевича Паустовского, Касьяна Ярославича Голейзовского.

А Наташа Грамолина стала для меня ниточкой, связующей мою юность и настоящее время. Каждый свой приезд в Поленово я стремился к застолью у Наташи и всегда восхищался ее доброжелательностью и гостеприимством. Наверное, здесь позволительно вспомнить, что по образованию Наташа была филологом, свободно владела всеми пластами русского языка, не чуждаясь обценных выражений, а самым оригинальным образом используя их в своей колоритной речи.

Именно в Поленово из Тарусы и направлялся наш прогулочный кораблик: довольно большой, старой конструкции, уж никак не вписывающийся, к счастью, в понятие современного дизайна. За штурвалом – наш давний приятель Кириллыч, крупный медведеподобный мужчина с иссеченным бороздами морщин лицом. Он и капитан, он и матрос. Сделав разворот, чтобы корабль стал носом против течения, и задав ему медленный ход, он спускается из капитанской рубки, перекидывает канат на пристань и принимается подтягивать его вручную к пристани. Кругом простирается ширь Оки. В этом месте именно ширь.

Мы сходим на берег по деревянному трапу, подрагивающему под ногами. Кириллыч нам помогает. Мы – это я, моя прекрасная супруга Даша, Люда Шуклина – наша приятельница, доброжелательная хозяйка этого парохода, Паша и Ира (я стараюсь приобщить моего друга, писателя и сценариста Пашу Финна, приехавшего погостить в Тарусу, и его замечательную, остроумную жену Иру Чернову к своему ощущению и видению Тарусы, а теперь и Поленова). Осторожно спускаемся – и оказываемся на поленовской земле.

Я узнаю и не узнаю окрестности. Меня обступили тени прошлого. Собственно, они живут во мне, быть может, потому, что навсегда отпечатались в моем юном сознании. Порой даже давят грузом подробнейших деталей. Они населяют эти аллеи, этот поленовский дом – вот он, стоит в отдалении, и корпуса Дома отдыха, которых больше нет, – все так отчетливо проявлено в памяти. Щемящие воспоминания своей реальностью превосходят все остальное, окрашивают и погружают происходящее сейчас в прошлое. Мираж или, скорее, наваждение... Люди вспоминаются на фоне мало меняющегося пейзажа. Удостоверяют мираж и в то же время возвращают нас к действительности сам дом Василия Дмитриевича Поленова и Аббатство, существующие и поныне. Все это позволяет мне рассуждать о привидевшемся доме отдыха как о “рухнувшей цивилизации”. “Цивилизация” – это не только “тени” в реальном пространстве, но и то, чем мы жили тогда. Целая жизнь встает из небытия с ее успехами и неудачами, любовью, романами, праздниками и разными событиями, объединяющими всех. Проживаемыми вместе.

Тропа, по которой мы идем, знакома, но все-таки другая. В памяти она короче и пролегает мимо землянки Пашки-лодочника – он заведовал веслами и ставил бакены на Оке. Теперь землянки нет. И вышли мы на причал, а не на дебаркадер, как раньше. И ивами все заросло – огромными, красивыми и, хочется сказать, рёйсдалевскими – они образуют волнистую линию крон, заслоняющую горизонт, как на его картинах, и выглядят так же величественно и прозрачно. Кроме того, эти великолепные ивы загородили весь вид на Оку, и уже не узнать до боли знакомый пейзаж, особенно памятный во время заката, по которому всегда можно было понять, какая завтра будет погода.

Нет бревенчатого домика, где жил Павел Владимирович Садовский – огромный плотный мужчина, музыкант оркестра Большого театра. Он обитал там со своей семьей и любимым музыкальным инструментом корнет-а-пистоном, которым устраивал побудку всей округи, играя “Футбольный марш” Матвея Блантера ровно в восемь часов утра. В летнем прозрачном воздухе марш был слышен на десятки километров вокруг.

Нет и прекрасного, как в памяти, но на самом деле более чем убогого дощатого павильона “Голубой Дунай”. За его перилами так и видится высоченная фигура знаменитого актера Ивана Ершова в соломенной шляпе, опирающегося на трость, с граненым стаканом водки в руке – он

намеревается выпить “под закат” и идти закусывать в столовую, располагавшуюся выше этого павильона, на горе, откуда снова открывался вид на Оку, но уже в более широком ракурсе.

В Поленове в сороковые годы летом проходил так называемый день смеха, устраиваемый лучшими режиссерами и актерами из числа отдыхающих. Весь этот день был наполнен удивительными событиями вроде шутиного маскарада, когда мужчины переодевались в дамские туалеты, чем вносили много смешного в обычную жизнь.

Вспоминаю один из таких летних праздников. На обмелевшей Оке стоит стол, накрытый скатертью, на столе – полстакана водки и соленый огурец – приз для того, кто приплывет первым. Дно реки до стола глубокое – этот отрезок Оки надо проплыть наперегонки. Я в числе соревнующихся. На взгорье, на берегу реки, множество зрителей. Мне четырнадцать лет, и я хорошо плаваю. Прихожу первым, опережая соперника на полкорпуса. Хватаю стакан и выпиваю водку залпом, от неопытности не делая никакого перерыва между заплывом и выпиванием. Это первая в моей жизни “рюмка водки”! Я не умею пить и не понимаю последствий. Бешеное дыхание после заплыва усугублено напитком. Я еле держусь на ногах и пускаюсь в обратный путь, переплывая глубокую половину Оки. Руки и ноги не слушаются. Дышу прерывисто. Чудом добираюсь до берега и падаю на песок. Долго не могу прийти в себя и восстановить дыхание. Единственной наградой служит признание моего двоюродного младшего брата Азарика – он гордится мной, ведь я совершил двойной подвиг на глазах всего дома отдыха.

Каждый день был отмечен какой-нибудь спортивной игрой. Например, устраивались соревнования по волейболу, а иногда и товарищеские встречи с соседними домами отдыха. Именно благодаря такому матчу я посетил дом отдыха имени В. В. Куйбышева (известного в то время функционера) в Тарусе. Мы бродили по незнакомой нам территории, где в центре цветочного парка на склоне горы, ведущей к реке, на клумбах стояли скульптурные фигуры Ленина и Горького. Примерно в этом же месте находился деревянный сруб дома, именуемый домом Ивана Владимировича Цветаева. Мне и в голову тогда не приходило, что я успел увидеть легендарную дачу “Песочное”, много лет арендовавшуюся Цветаевым у города Тарусы, и что здесь-то в летние месяцы и протекала жизнь молодых дочек Ивана Владимировича – Марины и Анастасии. Судьба этого дома примечательна. Когда дачу Цветаевых – бесценный культурный памятник – собирались сносить, прекрасный писатель Константин Паустовский, житель и патриот здешних мест, стал заступаться за него и послал телеграмму в ЦК партии. На почте в Тарусе эту телеграмму задержали и проинформировали о ней местный райком, который проявил удивительную бдительность, и дом за одну ночь разобрали.

Вокруг так запомнившихся мне памятников Ленину и Горькому на цветочных клумбах с тех пор стихийно вырос высокий лес. Некоторое время назад я навестил эти места: среди деревьев высятся обветшавшие гипсовые фигуры этих двух персонажей, заблудившихся в густом лесу (как и в жизни, впрочем). Один из них по-прежнему указывает дорогу к “светлому будущему всего человечества”. Здесь же я обнаружил и “примкнувшее” к ним скульптурное гипсовое изваяние Николая Васильевича Гоголя, он тоже раньше стоял на клумбе, но никакого отношения к означенным мыслителям не имел. Есть определенный провидческий смысл в том, что я не обнаружил у скульптуры носа. Уж если носа лишился сам Николай Васильевич, то сила его воображения превосходит все возможные пределы и достигает мистического масштаба.

Вернемся, однако, к нашей дороге до поленовского дома. Все эти разбегающиеся в разные стороны и в гору тропинки стремятся достичь бывших четвертого и третьего корпусов, которых нет и в помине, а тропинки остались. Проходя же дальше, за ворота поленовской усадьбы, минуешь место, где находился второй деревянный корпус и где теперь стоит сплошной сосновый бор, а было столько бурной молодой веселой жизни. По правую руку виднеется так называемая банька, где когда-то жили и мы, деля ее с семьей композитора Сергея Сергеевича Прокофьева. Но это время и его самого я вспомнить не смог бы, потому что был в тридцатые годы совсем маленьким.

Тогда же в Поленове жил и другой великий композитор – Дмитрий Дмитриевич Шостакович. В эти годы он работал над балетом “Светлый ручей” и оперой “Катерина Измайлова”, которая крайне раздражала усатого вождя. В январе 1936 года в “Правде” была опубликована статья “Сумбур вместо музыки”, а чуть позднее – статья “Балетная фальшь”. Так был нанесен удар молодому композитору, премьеры которого следовали одна за другой. Для меня интересно то, что на премьере балета в Большом театре главную партию танцовщика, приехавшего из столицы, исполнял мой отец – Асаф Мессерер (в Поленове он прославился еще и как страстный рыболов, поймавший на спиннинг восьмикилограммовую щуку), а роль столичной балерины – Суламифь Мессерер, моя тетка. Любопытно, что в новой постановке, которая последовала через много лет, в 2003 году, были использованы уже мои декорации, так что в каком-то смысле возникла некая семейная традиция работы над этим балетом.

Всего в доме отдыха Большого театра в Поленове отдыхало, я думаю, одновременно до 400 человек. Здесь были и знаменитые артисты, и работники технических служб театра. Из звезд я хорошо помню баритона ГАБТа Никандра Сергеевича Ханаева. Так и вижу, как он степенно и величественно поднимается по ступенькам к четвертому корпусу, где ждет его дочь Женя, ставшая потом очень известной артисткой МХАТа, с блеском игравшей отрицательные, острохарактерные роли. Женя обычно приносила из леса полную корзину белых. В деле собирания грибов ей не уступала вся семья.

Помню знаменитого героя-любownika, мхатовского актера Павла Владимировича Масальского (тоже азартного грибника), с ним мне еще довелось значительно позднее поработать во МХАТе на спектакле “Сладкоголосая птица юности” по пьесе Теннесси Уильямса, его жену Наю Александровну и пасынка Костю – сына известного боксера, чемпиона страны в тяжелом весе, Константина Градополова. Костя в своей страсти собирания грибов превосходил всех прочих обитателей дома.

Помню и хорошо знакомого публике артиста МХАТа Александра Михайловича Комиссарова, специализировавшегося на комедийных ролях, и его супругу, артистку оперетты, Любочку, которые были так добры ко мне в дни моей юности.

Выдающийся балетмейстер Касьян Ярославич Голейзовский в то время находился в опале за свои формалистические изыски и, чтобы как-то отвлечься от неприятностей, коротал время в собирании предметов древности: окаменелостей, наконечников стрел каменного века, поднятых со дна русла Оки. Тогда я написал его портрет в интерьере деревенской избы: на фоне каких-то крынок, чугунков и русской печи с занавесочкой, закрывающей печное жерло. Я очень гордился этим портретом, поскольку он выражал мое восхищение Голейзовским.

Памятен образ бывшего артиста балета Александра Ивановича Радунского, большого, грузного человека с животом. Он уже не танцевал, но участвовал в спектаклях в пантомимических сценах. Александр Иванович был весьма остроумен и изобретателен, много времени проводил за картами. Рядом с игральным столом стоял маленький столик с бутылкой водки и открытой коробкой килек. Каждую рюмку Радунский сопровождал очищенной им самим килькой, которую тщательно готовил, отделяя хребетик и складывая все потроха в горку на краю своей тарелки. Поскольку игра шла долго, а игроки увлекались кильками наравне с Радунским, то коробка пустела, и на последнюю рюмку уже не оставалось закуски. Тогда Александр Иванович сгребал всю горку, до этого аккуратно складываемую сбоку, и отправлял ее в рот, уже не обращая внимания ни на хребетики, ни на прочие внутренности.

История довоенного времени, дошедшая до меня по слухам, рассказывает, как известный дипломат, заместитель наркома иностранных дел СССР Лев Михайлович Карахан, в 1937 году расстрелянный, как и всякая неординарная личность того времени, катал знаменитую балерину Марину Тимофеевну Семёнову на маленьком самолете прямо здесь, над полем села Кузьмищево, напротив Поленова, на том берегу Оки, на глазах отдыхающих.

Здесь же, правда значительно позднее, я вижу Майю Плисецкую, величайшую балерину современности, спускающуюся вниз по главной аллее к лодкам. Майя – моя двоюродная сестра. Ее отец был расстрелян в тридцатые годы, а мать Рахиль, родная сестра моего отца, подверглась жестоким репрессиям и к тому времени, о котором я пишу, вернулась из лагеря.

Помню триумвират знаменитых художников: Михаила Куприянова, Порфирия Крылова и Николая Соколова, – объединившихся под именем Кукрыниксы для публикации политических карикатур в центральных газетах, а в Поленове они расслаблялись и вспоминали о том, что они художники, академики живописи. Видимо, стараясь забыть огромную ответственность, лежавшую на них в деле высмеивания “кровавой клики Тито – Ранковича”, они беспрестанно писали маленькие картинки-этюды, поддаваясь художественному восторгу от красоты здешней природы и отдыхая душой в работе на пленэре.

Серьезная и внушительная фигура президента Академии наук СССР академика Александра Николаевича Несмеянова величественно смотрелась на фоне поленовского заката и запомнилась именно такой, а в жизни это был милый предупредительный человек.

В Поленове отдыхали столпы оперной сцены Большого театра, которых я тоже помню: Марк Осипович Рейзен, Александр Степанович Пирогов, самая знаменитая певица – сопрано Валерия Владимировна Барсова, Пантелеймон Маркович Норцов, оперный режиссер Леонид Васильевич Баратов. Все мэтры вели себя чрезвычайно важно и степенно, давая понять дирекции дома отдыха, кто они есть на сцене, почему пользуются таким почетом и уважением. Они предпочитали жить в лучших номерах третьего и четвертого корпусов, а в поленовской жизни быстро раскрепощались, готовясь к рыбалке, и заискивающе спрашивали у Пашки-бакенщика, на что сегодня клюет рыба и какую снасть лучше использовать для ее лова.

Здесь проводил лето композитор Борис Владимирович Асафьев, всегда сосредоточенный на своей работе. А в баньке, в итоге отданной композиторам, одно время жил основатель МХАТа Владимир Иванович Немирович-Данченко. В молодости я запомнил рассказ моего отца о том, как, по просьбе администрации художественного театра, они вместе с Марком Осиповичем Рейзеном везли Владимира Ивановича в Москву на какой-то правительственный концерт, но на непролазных тарусских дорогах сломалась машина, и все вынуждены были заночевать в Климовске.

Фамилии звезд неизбежно перемежаются в памяти с именами тех моих друзей, с кем проходила жизнь, строился нехитрый быт, а вечерами разделялось застолье. Вспоминается образ артиста балета Юры Тарасова, обладавшего очевидным обаянием. Он был своего рода точкой отсчета для всех участников сборищ, на обращении к нему строились все шутки в компании.

В недрах моего сознания обитает образ непутевого молодого артиста балета Сашки Зайцева, совсем простого парня, моего приятеля. Он обладал невероятной мускулатурой и поэтому наравне с Массальским существовал в образе героя-любownika, но не на сцене, а в жизни. Сашка поразил мое воображение рассказом о том, как он привел свою пассию – балерину французского происхождения – в ювелирный салон в Хельсинки и предложил ей выбрать украшение на свой вкус. Он был партнером известных балерин и получал довольно много денег.

Сначала дом отдыха в Поленове был задуман для работников Большого театра, но затем он стал принимать и артистов МХАТа, позже трансформировался в дом отдыха РАБИС, то есть работников искусств в целом. Я вспоминаю его с ностальгией. В то время актерское поселение на берегах Оки имело глубокий смысл в деле помощи людям, чьи судьбы тогда особенно были подвержены превратностям. И дом отдыха становился для кого-то спасительным местом хотя бы на время. Кроме того, там человек ненадолго забывал о трудностях с питанием. Все это не могли не ценить обитатели дома, наслаждавшиеся отдыхом на поленовской земле. Жизнь и молодость брали свое: люди проживали дарованные им дни счастливо. Это парадокс, ведь тридцатые и сороковые, военное и послевоенное время были страшными годами сталинских

репрессий и тяжелых испытаний (к сожалению, я не знал в юности, что в 1937 году, когда Фёдору Поленову исполнилось восемь лет, его отец и мать были репрессированы, и Дмитрия Васильевича Поленова освободили только в 1944-м). Забота тогдашнего директора Большого театра Елены Константиновны Малиновской об актерах заслуживает самой доброй памяти.

Постепенно, шествуя по аллее в гору, мы приближаемся к самому поленовскому дому, где нас ожидает замечательное общество дам, приглашенных Наташей Грамолиной. Со всеми ними я был связан по ходу жизни невидимыми нитями дружеских отношений.

Новая встреча оказалась уникальной: благодаря ей сложилась картина жизни прошлого, да и нашего поколения на фоне дома Василия Дмитриевича Поленова.

Дом, как я писал, памятен мне с самого раннего детства. Он всегда волновал мое воображение, и вид его был как-то радостен для меня во все времена. И в детстве, когда здесь располагался дом отдыха – самый яркий мираж моей памяти, и теперь, когда наша компания движется по направлению к нему. Архитектурный облик дома и сейчас производит на меня загадочное впечатление. Он построен В. Д. Поленовым, замечательным художником, но не профессиональным архитектором, по каким-то своим канонам, в него вложена большая строительная мудрость. Ее я неустанно пытаюсь постичь. Хочу сформулировать свои ощущения и с трудом могу это сделать. Только понимаю огромную степень свободы, проявленную Василием Дмитриевичем. Он переосмыслил архитектурную традицию своего времени. Свобода видна в том, как построены необходимые объемы здания, как они состыкованы друг с другом, как естественно прорезаны окна и как архитектурному сооружению придана скульптурная форма. Дом смотрится единым объектом на перекрестке панорамных аллей. Этому служит еще и белый цвет его штукатурки, объединяющий всю конструкцию.

Сбоку от дома расположено так называемое Аббатство – мастерская самого В. Д. Поленова, часть, если можно так сказать, архитектурного ансамбля. Вот как пишет об этом пространстве Фёдор Поленов:

Глядя на сосны мемориального парка, часто думаю о глубине замысла строителя и основателя музея. Совершенство архитектурных форм – налицо. Гармония линий, гармония объемов, гармония цветовой гаммы. Музей красив. И неотделим от теперешнего окского пейзажа, как был неотделим от него восемь с половиной десятилетий назад, когда не было парка, а молоденькие – по пояс человеку – сосновые саженцы дали первоначальное название этому месту – Борок. Выходит, и название-то тоже – результат человеческой деятельности. Замысел строителя гармоничен – он всегда был и остается созвучным времени. Взглядом большого художника увидел Поленов будущее голого бугра над Окой и, создавая усадебный ансамбль, вдохнув новую жизнь в песок и суглинок заброшенной пашни, как бы принес присягу вечной Красоте.

У меня есть фотография, где я, совсем крошечный, на руках у мамы, снят на фоне Аббатства. Если читатель увидит этот снимок, то ему станет понятным чувство родственности, которое я испытываю к поленовскому дому.

Прошрое, существующее только в моей памяти, удивительным образом переплетается с настоящим благодаря сохранившимся деталям быта. Тот же стол, те же приборы, тарелки и рюмки, картины, украшающие стены, знакомые мне с детства. Расстроенное ныне пианино – на нем музицировал Прокофьев, сочиняя балет “Ромео и Джульетта”. Эскиз картины “Христос и грешница” Василия Дмитриевича. Над картиной он работал тридцать лет, и все равно она не удовлетворяла художника – смущала рука Христа, опертая на колено. Коллекция вещей, привезенных Поленовым из Палестины.

И как центр притяжения всего этого мира – хранительница очага Наталья Грамолина, до недавнего времени директор музея (а на момент встречи – главный хранитель заповедника).

Наташа, конечно, царила во время застолий! Обычно все основные проблемы музея и заповедника решались за столом. Там же проходили встречи с друзьями. Обаяние Наташи, ее колоритная речь абсолютно покоряли гостей. А многочисленные разносолы, столь необходимые для поднятия настроения, всемерно способствовали этому. Наташа произносила тосты в честь присутствующих, так или иначе раскрепощая самых стеснительных из них. Возникала совершенно непринужденная обстановка.

За столом у Наташи Грамолиной мы встречаемся с Юрой Кублановским, ставшим за годы нашего знакомства известным поэтом и корреспондентом Александра Исаевича Солженицына, с Ириной Антоновной Шостакович, вдовой композитора, с Таней Максимовой-Полторацкой, вдовой писателя Владимира Емельяновича Максимова. Здесь же Галина Штейнберг (Маневич) и Наташа Поленова, дочь Грамолиной и жена Кублановского, действующий директор музея-заповедника В. Д. Поленова. В целом мы с нашими спутниками образуем весьма оригинальную для здешних мест компанию, органично существующую за одним столом и определенным образом связанную.

С Ириной Антоновной Шостакович мы вместе следим за судьбой балета Дмитрия Дмитриевича Шостаковича “Светлый ручей”, который в моем оформлении вот уже почти двадцать лет идет на сцене Большого театра. Мы встречались с ней много лет назад на премьере этого балета в Париже. Там присутствовала и Таня Максимова, с которой нас роднят воспоминания о буйной натуре Владимира Максимова. Я был очень рад нынешней встрече с Таней: с кем, как не с ней, я могу поговорить о Владимире Емельяновиче. Он всегда поражал меня своей страстной любовью к России и желанием в нее вернуться. Издаваемый им на протяжении ряда лет журнал “Континент” был в определенном смысле “властителем наших дум”. В удушающей атмосфере тогдашней жизни в СССР, за железным занавесом каждое слово правды, которое нес журнал, окрыляло нас и придавало сил надеяться, что все когда-нибудь изменится и можно будет свободно дышать. Максимов всегда производил на меня впечатление человека страдающего. Он не мог в полной мере освободиться от груза переживаний. Не имея возможности здесь подробно написать о нем, скажу только, что я был безгранично счастлив нашему общению в Париже и Москве. После стольких лет травли и гонений было несказанным удовольствием принимать Владимира Емельяновича в моей мастерской на Поварской и ходить в московские театры на премьеры спектаклей по его пьесам.

Галина Штейнберг – супруга художника Эдуарда Штейнберга, человека тоже тарусского происхождения, большого моего приятеля, уже ушедшего в мир иной. Стиль жизни Галины и Эдуарда всегда меня поражал и восхищал: они существовали между Парижем, где Эдик, замечательный художник, имел успех, и любимой ими Тарусой, куда сразу ехали, не задерживаясь в Москве, как только прилетали в Россию.

Нынешняя встреча с Юрием Кублановским, одним из авторов альманаха “Метрополь”, в создании которого я принимал участие, далеко не первая. Мы виделись несколько раз и после его длительного пребывания в Германии и Франции. Канва этих встреч в Москве, Мюнхене, Тарусе, Поленове причудлива. Всего не опишешь. Остановлюсь на ранних эпизодах – их сюжеты годятся для рассказа.

Перед глазами бедный, гонимый тогда Кублановский. Вот он для чтения взял у нас на даче в Переделкине второй том воспоминаний Надежды Яковлевны Мандельштам. Сам Юра живет в районе Петровского-Алабина по тому же Киевскому направлению Московской железной дороги, что и Переделкино, и Мичуринец. Ночью обыск, нагрянул КГБ. В однокомнатной квартире шесть человек: жена Кублановского с ребенком, ее старый отец в кальсонах и с голой грудью, кто-то еще из родственников. Работники органов госбезопасности в растерянности: как может “платный агент ЦРУ” жить в таких условиях?! Однако профессиональной рукой один из сыщиков лезет в банку с крупой. Ожидаемая находка – Солженицын. Дальше больше: в муке – Набоков, “Лолита”. Тоже криминал. А тронуть грязную вонючую детскую пеленку

на табуретке посередине комнаты побрезговал! Под этой пленкой и лежала книга Надежды Яковлевны. Утром следующего дня радостный Кублановский в Переделкине – торжественно возвращает книгу.

Этому времени и встречам в моей мастерской на Поварской улице в Москве посвящено стихотворение Юрия Кублановского:

В столице варварской над суетой мирской
есть легендарный дом на тихой Поварской.
Там некогда пожал нам потные ладони
суровый Генрих Бёлль; синьор Антониони
там пил на брудершафт с богемой продувной.
Дни баснословные! И посейчас со мной
и вопли хриплые певца всея Союза,
и Беллы черная и складчатая блуза,
усмешка Кормера, Попова борода...
залить за воротник не худо в холода,
хоть я уже не тот.
Тускнеющий, что складень,
бесцельно, суетно набегавшийся за день,
бессмысленно лежу порой в своей норе.
Но и туда ко мне на жиденькой заре
приходит и живет таинственная вера
в способности и кисть маэстро Мессерера!
1994

Я рад этой встрече в Поленове и такому совпадению людей, случившемуся в столь памятном для меня пространстве по наитию и благородной инициативе Наташи Грамолиной – ей и посвящено это воспоминание.

Мархи. Студенческие годы

В 1950 году я окончил школу и после долгих раздумий решился поступать в Московский архитектурный институт. В то время я был наивным и прекраснодушным молодым человеком, томимым неосознанной тягой к искусству. Я уже знал, например, имя архитектора Ле Корбюзье и даже восхищался построенным им в Москве на Мясницкой улице Домом Центросоюза. Это было знаковое для московской публики здание – символ общего культурного прогресса. О нем говорили с восхищением, но с некоторой осторожностью и, конечно, шепотом, понимая, что его удивительный новаторский стиль противоречит догмам искусства социалистического реализма. С затаенным интересом и симпатией поглядывал я и на другие конструктивистские постройки в Москве, такие как Дом культуры имени И. В. Русакова в Сокольниках, возведенный по проекту Константина Мельникова, и его же дом в Кривоарбатском переулке, на Дом культуры имени Зуева на Лесной улице архитектора Ильи Голосова или даже на мрачный серый Дом на набережной, в котором угадывались трагические и таинственные судьбы его обитателей.

Бродя по московским улицам, я четко отдавал предпочтение строгому конструктивистскому началу – оно проступало в чертах города, но резко не вязалось с пышными портиками, лепниной и карнизами строившихся в то время зданий.

В институте я встретил то, чего подсознательно опасался, – резко отрицательное отношение к современной архитектурной мысли. Однако начало студенчества для меня было скрашено углубленным изучением классического наследия. В современной практике нет такой меры преклонения перед архитектурой прошлого, какое существовало в те годы.

Михаил Александрович Туркус

Я учился у очень известного педагога – Михаила Александровича Туркуса. С ним работала преданная единомышленница – Наталья Александровна Крюкова. Помощники менялись, но Туркус сорок лет оставался незыблемым. Его образ был загадочен: за ним шла слава “битого” человека. В тридцатые годы он исповедовал идеи конструктивизма и иных новаций и, конечно, был одним из тех, кто подвергался травле со стороны официальной советской критики. Равно как и Владимир Кринский, заведовавший в то время кафедрой “Основы архитектурного проектирования”. Среди архитекторов, руководивших институтом, были и другие, кто числился в черных списках космополитов и кого за их творчество громили в прессе и на собраниях. Многие из них позднее поменяли позиции: одни идеологически перестроились, другие увлеклись иными художественными течениями. Среди последних был и Михаил Александрович Туркус, который искренне влюбился в архитектуру итальянского Ренессанса и стал величайшим знатоком всех изумительных нюансов этого стиля. О своем конструктивистском прошлом он не вспоминал никогда. Тем более со студентами.

Увлекался архитектурой Ренессанса и Иван Владиславович Жолтовский, проживший много лет в Италии и хранивший живое ощущение итальянского искусства, столь редкое в те годы из-за железного занавеса. Жолтовский был прекрасным рассказчиком, он доносил до студентов непосредственное впечатление от искусства Италии, в то время как большинство архитекторов знали о нем только понаслышке.

Пока я проникал в глубины истории архитектуры, перед моими глазами неизменно возникали образы великих архитекторов прошлого. Причудливая фигура Филиппо Брунеллески, итальянского зодчего XV века, с юных лет владела моим воображением, и во Флоренции, куда я попал уже много лет спустя, у меня возникло ощущение реальности его присутствия в городе. Джорджо Вазари очень ярко описывает Брунеллески как человека хрупкого сложения и маленького роста, но наделенного сильнейшей энергетикой, которая побудила его взять на себя возведение купола над недостроенным собором Санта-Мария дель Фьоре и осуществить это без помощи строительных лесов, а изобретая способ кладки кирпичей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.